

Мирзоев Е.Б.
кандидат исторических наук,
Институт государственного управления,
права и инновационных технологий,
г. Москва, Российская Федерация

Мотив жертвенного котла в кельтской и германской мифологии

В исследовательской литературе не раз обращалось внимание на важное значение котла в кельтской мифологии. Особое внимание уделялось мотиву перерождения или преобразования в котле, который обнаруживается в частности в одной из повестей валлийского «Мабиногеона». И в ирландских и в скандинавских сказаниях присутствует мотив котла – источника изобилия. В то же время, и в кельтских и в германских преданиях очевидна связь пиршественного котла с содержащимся в нем опьяняющим напитком, в частности с медом.

Мы сконцентрируем внимание на других аспектах сложного образа котла, безусловно имеющего очень древнее происхождение в германской и кельтской мифологических традициях. Речь идет о связи котла, в частности пиршественного, с жертвоприношением, а также с гаданием. Следует сразу отметить, что в самых разных традиционных культурах жертвоприношение и гадание были тесно связаны, поэтому представляется важным проследить эту связь на материале кельтских и германо-скандинавских мифологических сказаний.

Правильнее понять роль котла в мифах древних кельтов и германцев помогает обращение к археологии и истории. В различных регионах Европы к северу от Альп были обнаружены котлы и иные крупные металлические сосуды, относящиеся к бронзовому и железному веку. Многие из них уверенно связываются с культурой древних кельтов или германцев. Котлы либо клали в захоронения как элемент погребального инвентаря, либо оставляли в качестве самостоятельногоклада, вероятно культового характера.

К VI в. до н.э. относится такая находка, как найденный в Шреттвеге (Австрия) котел на подставке, снабженной колесами. На подставке представлена целая скульптурная композиция. В центре композиции помещена женская фигура – вероятно, богини, которая своими руками и поддерживает котел. Любопытно отметить, что рядом изображена фигуры с оружием в руке, направленном в спину другим персонажам. Отметим, что Б.А. Рыбаков вполне закономерно интерпретировал композицию как сцену человеческого жертвоприношения¹. У нас нет возможности утверждать, связана ли эта находка с древними кельтами (или протокельтами), не ясно и ее предназначение. Однако нет оснований сомневаться, что этот сосуд на подставке служил для культовых целей.

Среди сосудов, помещенных в могилы древних кельтов самым известным является огромный бронзовый кратер греческой работы из погребения в Виксе. Этот сосуд не был изготовлен кельтами, но, как полагают, судя по его необычным размерам, создавался специально по заказу одного из кельтских вождей². Огромный сосуд был наиболее эффектным элементом богатого погребального инвентаря. Менее крупные бронзовые котлы были помещались в захоронения кельтов и германцев вплоть до эпохи викингов. Очевидна связь данной традиции с представлениями о загробном пире, которые отражены в мифологических преданиях кельтов и германцев. Котлы, разумеется, использовались и во время пиров на этом свете. Но существенно, что пиршество, особенно приуроченное к религиозным праздникам часто воспринималось как жертвенный пир. Особая роль пиршественного котла на таких пирах соответствовала важному месту котла среди прочих предметов, сопровождавших умерших в иной мир.

В рамках нашей темы особенно интересна засвидетельствованная археологией традиция помещать котлы в землю или в воду. Она хорошо представлена в Дании (котлы из Гундеструпа и из Бро) и в других районах, в том числе на Балканах, где, вероятно, была связана уже с культовой практикой древних фракийцев (котел из Летницы). Несмотря на то, что котел из Летницы по-видимому не связан напрямую с культурой древних кельтов или германцев, обращает на себя внимание ряд важных обстоятельств. Этот сосуд IV века до н.э. был явно умышленно оставлен в земле, причем содержал внутри пластинки изготовленные из драгоценных металлов, украшенные мифологическими или культовыми сценами. Вероятно, этот котел был оставлен в качестве жертвоприношения богам.

Сходным образом интерпретируют причину оставления в болоте (изначально, вероятно, в озере) замечательного серебряного котла из Гундеструпа в Дании, который датируют III-II, а

иногда и I в. до н.э. Котел также был найден с пластинками, содержащими мифологические сцены внутри. Однако в данном случае эти пластинки являются элементами (съёмными стенками) самого котла. Котел, и прежде всего съёмные стенки, несут на себе изображения мифологических персонажей, которых часто и не без основания связывают с божествами древних кельтов. Существенно, что стилистика изображений на этом котле близка изображениям на котле из Летницы. Это, а также материал, из которого изготовлен гундеструпский котел возможно, указывает на происхождение из дунайского региона. В результате мы можем предполагать прямое влияние кельтской, а возможно и кельто-фракийской³ ритуальной практики на население древней Дании, где в ту эпоху проживали германцы. Котел мог попасть в северную Европу в результате походов кимбров и тевтонов в конце II в. до н.э.

Пролить свет на ритуальное предназначение этого котла помогают данные античных писателей об обычаях кимбров и тевтонов. Речь идет о человеческих жертвоприношениях, которые совершали жрицы кимбров: «С обнаженными мечами эти жрицы бежали через лагерь навстречу пленникам, увенчивали их венками и затем подводили к медному жертвенному сосуду вместимостью около 20 амфор; здесь находился помост, на который восходила жрица и, наклонившись над котлом, перерезала горло каждому поднятому туда пленнику. По сливаемой в сосуд крови одни жрицы совершали гадание, а другие, разрезав трупы, рассматривали внутренности жертвы и по ним предсказывали своему племени победу»⁴. Гундеструпский котел мог иметь прямое отношение к описанной практике. Любопытно, что он был найден в Ютландии, на территории, где согласно сведениям античных авторов как раз и проживали кимбры. На одной из его стенок изображена процессия воинов, направляющихся к персонажу, который изображен значительно крупнее остальных. Этот персонаж, вероятно божество, держит человека вверх ногами над каким-то крупным сосудом. Эта сцена может быть интерпретирована как изображение жертвоприношения над котлом, причем в качестве основного участника представлена не жрица, а сам бог. Котел, несущий на себе изображение сцены жертвоприношения сам в свою очередь был помещен в воду, видимо, как жертвоприношение богам.

У нас нет свидетельств о бытовании обрядов с котлом, подобных кимбровским в других районах кельтского или германского мира, но есть свидетельства о различных вариантах обряда человеческих жертвоприношений у древних кельтов, в том числе о жертвоприношении путем утопления в бочке.

Напомним, что в центре скульптурной композиции из Шреттвега, изображающей, судя по всему, сцену жертвоприношения, помещалась женская фигура. Логично предположить, что речь идет о жертвоприношении богине, изображенной в центре. Такая интерпретация сюжета находит, как нам кажется, параллели в рассказе Тацита о религиозных обрядах северных германцев в I в. н.э. Античный историк утверждал, что служителей культа богини Нерты, священную колесницу которой возили в период религиозного праздника, убивали в конце празднества⁵. Для нашей темы существенно, что женская фигура на шреттвегской колеснице поддерживает руками котел.

Таким образом можно констатировать, что котел играл важную роль в религиозных обрядах, связанных с жертвоприношением у древних германцев и, вероятно, кельтов⁶. Такой котел мог восприниматься в рамках данной культуры как важнейшая, священная ценность, связанная с божествами. Не случайно, по сообщению Страбона, во времена императора Августа, когда римские легионы продвинулись в глубь Германии, кимбры послали в знак примирения с Римом свой котел: «Они послали в дар Августу котел, почитаемый у них самым священным, прося у императора о дружбе и забвении прошлых проступков»⁷. Важно подчеркнуть, что в этом сообщении Страбона котел фигурирует как важнейший сакральный предмет, причем эта сакральность была связана с обрядами человеческих жертвоприношений.

Переходя к анализу собственно мифологических преданий кельтов и германцев, следует учесть, что имеющиеся в нашем распоряжении тексты были записаны уже в христианскую эпоху. Тема языческого культа: жертвоприношения или гадания, если она присутствовала в предании, нередко выхолащивалась. Соответствующие эпизоды повествования могли подвергаться переосмыслению в более благопристойном духе с точки зрения новой религии. Тем не менее, тесная связь мифа и ритуала помогает находить в тексте мифологического сказания сюжеты, связанные с языческой обрядностью.

Среди дошедших до нас уэльских преданий наиболее ярко связь волшебного котла с мотивом жертвоприношения, на наш взгляд, проявилась в повести «Бранвен, дочь Ллира», входящей в состав «Мабиногиона». Здесь рассказывается о котле, который был принесен неким великаном. Позже главный герой повествования Вран или Бран дарит сосуд как большую ценность

королю ирландцев в знак примирения. Отметим связь котла с великаном, а также с явно мифологическим персонажем, Браном (также отличавшийся исполинским ростом), чей образ восходит к какому-то кельтскому божеству. Этот чудесный котел обладал следующим свойством: «если погрузить в него сегодня убитого человека, то назавтра он будет жив, как раньше, кроме того, что не сможет говорить»⁸. В ходе повествования это свое качество котел проявляет во время сражения Брена и его спутников с ирландцами. Ирландские воины, помещенные в котел на следующий день снова вступают в бой. Один из сопровождавших Брена персонажей, Эвнисиэн (также явно сверхъестественный мифологический персонаж) прикидывается мертвым и, попав в котел, раскалывает его, но при этом гибнет и сам⁹.

Для интерпретации описанного сюжета следует вновь вернуться к котлу из Гундеструпа. Существует мнение, что на котле изображена не сцена жертвоприношения над котлом, а сцена оживления воина в духе повествования из «Мабиногиона». Аргументом для такой интерпретации изображения является то, что часть воинов на сосуде движутся не к котлу, а от него, что можно интерпретировать как процессию прошедших перерождение или оживление воинов. Это соответствует интерпретации сюжета уэльского сказания как описания действия волшебного котла перерождения или оживления. Однако, на наш взгляд, с учетом данных античных источников, логичнее исходить из связи котла именно с обрядами жертвоприношений¹⁰. Эта связь позволяет объяснить не только мотив оживления воинов, помещенных в котел, но и то обстоятельство (оно каждый раз особо оговаривается), что оживленные воины могли сражаться, но не могли говорить.

Учитывая то, что нам известно об обрядах кимвров, а также изображения на котле из Гундеструпа, помещение людей в котел в уэльском сказании следует интерпретировать как отражение и переосмысление практики человеческих жертвоприношений. В «Мабиногионе» описан, вероятно, не столько сам ритуал, подобный тому, который был известен Страбону, сколько способность сакрального сосуда отправлять умершего (принесенного в жертву) в мир божеств. Воины, приносимые в жертву вполне могли мыслиться как перешедшие в иной мир, но способные действовать уже как войско мертвых (подобных эйнхериям Одина в скандинавской мифологии) в интересах жертвующего. На то, что помещенные в котел воины не совсем оживают, а скорее перерождаются в иной мир, на наш взгляд, указывает их немота. Отметим, что и на котле из Гундеструпа и в «Мабиногионе» вокруг котла действуют войны. Такая связь вполне соответствует военному характеру ритуалов с пленниками, которых приносили в жертву кимвры, причем, как уже отмечалось, жрицы тут же гадали об исходе сражения¹¹. Великанский рост (подобающий божеству) главного персонажа сцены жертвоприношения на котле из Гундеструпа вполне соответствует великанскому росту Брена и великана-изначального хозяина котла в «Мабиногионе». Если исходить из трактовки изображения на гундеструпском котле именно как сцены жертвоприношения, то то мы получаем целый ряд соответствий не только тексту «Мабиногиона», но и обряду, описанному Страбоном. Видное место волшебного котла в уэльском предании соответствует трепетному отношению к ритуальному котлу у кимвров, которое засвидетельствовал Страбон. Любопытно отметить, что и у Страбона и в тексте «Мабиногиона» жертвенный сосуд приносят в дар с целью заключения мира. Наша интерпретация, как представляется, вполне соответствует общему архаическому характеру данной повести «Мабиногиона», в которой действуют мифологические персонажи и имеются другие коннотации с обрядовой практикой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М. 1981. С. 221.
2. Филипп Ян. Кельтская цивилизация. Прага., 1961. С. 38.
3. В дунайском регионе в ту эпоху проживали кельтские племена, такие как скордиски, тесно контактировавшие с местными фракийцами.
4. Strabo.VII,II, 3.
5. Tac.Germ.40
6. Кимвры и тевтоны, как полагают, представляли собой смешанный союз германских и кельтских племен, либо являлись германцами, подвергшимися сильному воздействию кельтской культуры.
7. Strabo. VII,II, 1.
8. Мабиногион. Волшебные легенды Уэльса. М., 1995. С. 64.
9. Там же. С. 75.

10. Как изображение жертвенной смерти в сосуде интерпретирует это изображение и Н.С. Широкова:
см. Широкова Н.С. Мифы кельтских народов. М.,2005. С. 296.
11. Strabo.VII,II, 3.